

Глава 4

Проделав целый ряд ухищрений, Шэнь Цзюцзю с замиранием сердца ждал ответа Пэй Ду.

Однако перед ним была умнейшая пташка, которая преодолела все преграды, перебралась через искусственные горы, пересекла сады и в одиночку нашла дорогу обратно в кабинет. Несмотря на это, Пэй Ду не только не задал ни единого вопроса и не проронил ни слова, но и протянул руку, кончиком пальца осторожно спихнув лапку Шэнь Цзюцзю с кисти.

Шэнь Цзюцзю, едва не клюнувший носом стол, озадаченно пискнул.

«?»

Крепко упершись лапками, он вскинул голову и с недоверием уставился на Пэй Ду.

Он видел своё отражение в воде. Да, когда он только прибыл сюда, оперение было редковатым, но за последние два дня, благодаря тщательному уходу, он, Шэнь Цзюцзю, превратился в очаровательнейшую пташку — и окрас, и стать, всё было при нём.

Что же не так с Пэй Ду?

Неужели он не любит птиц?

Не может быть... В прошлый раз ему показалось, что Пэй Ду определённо равнодушен к его пёрышкам.

Шэнь Цзюцзю осторожно подвинулся к руке Пэй Ду и, раскрыв крылья, легонько коснулся кончиком одного из них его тыльной стороны ладони.

Крылья пташки были мягкими сами по себе, а перья на их кончиках — особенно тонкими. Осторожное прикосновение было похоже на лёгкое касание пушинки.

Пальцы Пэй Ду едва заметно дрогнули.

Шэнь Цзюцзю, не сводивший с него глаз, заметил это мимолётное движение. Его растерянные глазки-бусинки тут же расширились. Он сделал большой шаг вперёд и решительно втиснулся в ладонь Пэй Ду. Упираясь лапками в стол, он изо всех сил принялся тереться о его руку.

Головка чешется — надо потереться.

И у основания крылышек тоже — потереться.

Ах да, и животик! Ощущения от него наверняка восхитительные — потереться, потереться.

Шэнь Цзюцзю тёрся с таким усердием и самоотдачей, что Пэй Ду просто не мог не ощутить всю прелесть и мягкость пушистой пташки.

Любой, даже самый уставший человек, вернувшись домой и погладив такого птенца, непременно расслабится и почувствует себя счастливым!

Продолжая тереться, Шэнь Цзюцзю вдруг почувствовал, что что-то не так.

Он повертел головой, и его твёрдый клюв коснулся слегка сомкнутых пальцев Пэй Ду.

В кабинете горела лампа, освещающая бумаги, которые читал Пэй Ду.

В её свете Шэнь Цзюцзю показалось, что на руке Пэй Ду есть какие-то тёмные пятна.

Длиннохвостая пташка, только что усердно теревшаяся о ладонь, сперва откинулась назад, а затем, подняв лапку, упёрлась в пальцы Пэй Ду, пытаясь повернуть их к свету, чтобы лучше разглядеть.

Пэй Ду послушно поддался, почти не напрягая руки.

Шэнь Цзюцзю склонил голову набок.

Кажется... она грязная?

Постойте-ка.

Шэнь Цзюцзю раскрыл крылья, опустил голову, осмотрел себя, а затем снова взглянул на испачканные пылью кончики пальцев Пэй Ду.

Птичка, уличённая в собственном проступке, убрала лапку, сложила крылья и, отпрыгнув на пару шагов назад, молча уставилась на почерневшую от его стараний ладонь Пэй Ду. Шея вжалась в плечи, клюв опустился, и вся его голова скрылась под крылом.

Он был живым воплощением птичьей вины.

Шэнь Цзюцзю действительно не сразу понял, в чём дело, но теперь до него дошло.

Он пробирался из дальнего сада вдоль стен, скакал по траве — разумеется, он весь был в пыли и грязи. Его усердные ласки превратили руку Пэй Ду в мочалку для птичьего купания.

Шэнь Цзюцзю вдруг осознал, что, переродившись в птицу, он, кажется, заметно поглупел.

Впрочем, это было нормально.

Птичья голова такая маленькая, что нет ничего удивительного в некотором отупении.

Но использовать руку благодетеля в качестве мочалки — это уже слишком!

Охваченная горем и негодованием пташка сжалась в комочек и в оцепенении услышала тихий смешок.

Шэнь Цзюцзю повернул голову, направляя слуховое отверстие в сторону звука.

— Я не виню тебя.

Возможно, из-за ночной тишины и тёплого света свечи голос Пэй Ду утратил дневную холодность и строгость. Он звучал мягко, почти ласково, согретый пламенем.

Пташка приоткрыла один круглый чёрный глаз.

Пэй Ду чистой рукой отложил в сторону письмо, которое до этого прикрывал, чтобы птенец его не испачкал, и, вынув из рукава платок, протянул его Шэнь Цзюцзю.

— Сумеешь воспользоваться?

Шэнь Цзюцзю задумался.

Должна ли птица уметь такое или нет?

Да какая разница.

Птица уже и человеческую речь понимает, и со счётами управляется, и по ночам из клетки сбегает. Чего ей ещё не уметь?

Шэнь Цзюцзю, решив, что терять ему уже нечего, протянул лапку, подцепил платок и, расстелив его на столе, принялся за дело.

Сначала он запрыгнул на платок и тщательно оттер лапки. Затем перевернул его, завалился на спину, выставив животик и лапки кверху, и несколько раз перекатился, очищая пёрышки.

Приведя себя в порядок, Шэнь Цзюцзю расправил крылья и принялся клювом приглаживать перья.

Пэй Ду наблюдал за его хлопотами, его взгляд задержался на маленьком хохолке из пуха, торчавшем на голове длиннохвостой синицы.

Затем он отвёл глаза.

В детстве Пэй Ду любил многое: вольного бумажного змея, ласковую кошку, птенца с подбитым крылом, строгого отца, добрую мать. Но в итоге он не смог удержать ничего.

Любовь и привязанность — слишком уязвимые чувства.

Шэнь Цзюцзю не был настоящей птицей, поэтому не слишком заботился о том, чтобы каждое его пёрышко лежало идеально. Главное было занять себя чем-то в неловкий момент.

Хлопоча, он украдкой наблюдал за выражением лица и жестами Пэй Ду.

И обнаружил, что тот снова перестал его замечать, взяв другое письмо и углубившись в чтение.

Шэнь Цзюцзю пискнул.

«?»

Нет, ну почему?

Он ведь такая большая птица!

Неужели его не видно на столе?!

Шэнь Цзюцзю обернулся, посмотрел на нефритовое пресс-папье и, мысленно сравнив себя с ним, с унынием признал, что он, кажется, и впрямь меньше.

Он прекратил чистить перья и несколько мгновений пристально смотрел на руку Пэй Ду. Затем, подхватив клювом использованный платок, он подпрыгнул и подтащил его к запястью мужчины.

Почувствовав приближение чего-то пушистого, Пэй Ду замер.

Воспользовавшись этим мгновением, Шэнь Цзюцзю с платком в клюве снова решительно втиснулся в его ладонь, крыльями раздвинул его пальцы и, зажав платок в лапках, принялся оттирать руку.

К счастью, это была всего лишь пыль, и она легко стёрлась.

Уничтожив улики, Шэнь Цзюцзю, брезгуя брать грязный платок в клюв, подцепил его лапкой и, подпрыгивая на одной ноге, оттащил в угол стола.

Затем, не обращая внимания на реакцию Пэй Ду, он развернулся и опрометью бросился обратно, снова прижавшись пушистым тельцем к его руке. Длинные тёмные хвостовые перья волочились за ним, покачиваясь в такт его движениям.

Пэй Ду молчал и не прогонял его. Шэнь Цзюцзю, прижавшись к его руке, поднял голову.

«Что он там читает? Пташка тоже посмотрит».

Увидев это, Пэй Ду даже опустил письмо немного ниже.

Шэнь Цзюцзю пискнул.

«!!»

«Постойте-ка, благодетель один в кабинете, читает письмо. Неужели это какая-то совершенно секретная информация?»

Уже успевший прочесть несколько строк, Шэнь Цзюцзю резко мотнул головой и уткнулся ею в ладонь Пэй Ду.

«Пташка ничего не видела. Пташка ничего не поняла».

— Помнишь того управляющего? — ровным голосом спросил Пэй Ду.

«Управляющего?»

Шэнь Цзюцзю пошевелил крыльями.

«Того самого, что подделывал счета и не смог ответить на простейший арифметический вопрос?»

— Это его признание, — продолжил Пэй Ду.

Шэнь Цзюцзю стало любопытно.

Он провёл лапкой по столу, но, не в силах побороть любопытство, высунул голову из ладони Пэй Ду и снова взглянул на письмо.

Раз уж он смирился с мыслью о птичьем жарком в случае неудачи, то можно позволить себе быть чуточку умнее.

Шэнь Цзюцзю, решив плыть по течению, поднял голову, но, поняв, что так напрягать зрение неудобно, запрыгнул на руку Пэй Ду, показывая, чтобы тот поднёс его поближе.

Пэй Ду, получив указание от птицы, слегка приподнял бровь.

— Цзю! — сердито пискнул Шэнь Цзюцзю, повернув голову. — Ты сам разрешил мне посмотреть!

И Пэй Ду, послушно поднеся его к письму, на некоторое время стал для него подставкой.

Как он и говорил, на бумаге было признание.

Но...

Прочитав строку «Присвоенные средства были отправлены в дом князя-защитника государства», Шэнь Цзюцзю замер, его маленькие глазки-бусинки остекленели.

Дело было не в самом доме князя...

Шэнь Синэнь не питал к своей семье особых чувств. Возможно, когда-то он и испытывал сыновнюю любовь к отцу, но со временем это прошло.

...Дело было в том, что, увидев столь знакомое название, он вдруг понял, что не может вспомнить лиц ни отца, ни госпожи Чжоу, ни своего единокровного брата.

Лапки Шэнь Цзюцзю крепче сжали пальцы Пэй Ду. Он пытался восстановить воспоминания, но с ужасом обнаружил, что не только они были размыты.

Он не помнил путешествия из Цзиньлина в столицу, не помнил, как вернулся в дом князя, и уж тем более не помнил, что там произошло...

Даже многие воспоминания о его жизни в Цзиньлине — детство, учёба, сдача экзаменов — были туманны, словно плотная белая пелена окутала его разум.

То, что его подставила мачеха, что он взял на себя чужую вину и несправедливо погиб в тюрьме, — всё это он помнил, но детали ускользали.

Как именно мачеха подставила его? В каком преступлении он признался? И отчего он умер, находясь в заключении?

Лапки Шэнь Цзюцзю сжимали пальцы Пэй Ду всё сильнее. Его крылья были полураскрыты, и каждое перо, казалось, дрожало от напряжения.

Действительно ли он — Шэнь Синэнь?

И... был ли он когда-нибудь человеком?

Внезапно его окутал знакомый запах. Кончики пальцев Пэй Ду на мгновение замерли в воздухе, а затем осторожно коснулись его крыла.

Шэнь Цзюцзю вздрогнул и инстинктивно сжался, но не почувствовал ожидаемого давления.

Прикосновение было тёплым. Пальцы Пэй Ду раз за разом легко прошли по его спине, и в этих неторопливых, уверенных движениях было что-то успокаивающее.

Шэнь Цзюцзю постепенно расслабился.

«Да какая разница, был ли он Шэнь Синэнем. И был ли человеком — тоже неважно. Шэнь Синэнь мёртв, а он, Шэнь Цзюцзю, — обычная пташка, не обладающая никакими

сверхъестественными способностями».

Будучи немой птицей, он помнил доброту Пэй Ду. Даже когда многое другое стёрлось из памяти, его лицо оставалось ясным и чётким. А значит — пташка должна отблагодарить его!

Он, Шэнь Цзюцзю, станет любимой и верной птицей Пэй Ду. И пусть он не сможет сделать для него ничего значительного, но он будет рядом, чтобы первый советник мог в минуты отдыха погладить его и немного расслабиться.

Это тоже будет благодарностью.

Хотя ему казалось, что он забыл что-то очень, очень важное, Шэнь Цзюцзю, успокоившись, подпрыгнул на руке Пэй Ду. Опасаясь поцарапать его, он вытянул лапки вперёд, оттопырил хвост и очень по-человечески уселся на его пальцы.

— Цзю!

Не говоря уже о делах дома князя-защитника, Шэнь Цзюцзю, прочитав в признании о сумме, которую управляющий присвоил за три года, почувствовал, как его сердце сжимается от сочувствия к Пэй Ду.

Даже у богатых людей деньги не для того, чтобы кормить паразитов!

Пэй Ду, словно прочитав в его глазах горечь и сожаление, отложил признание в открытую шкатулку.

— Поместью Пэй нужны убытки.

Это был уже пятый управляющий, с которым он разобрался.

Если бы дела в его поместье, как внешние, так и внутренние, были в идеальном порядке, то неизвестно, смогли бы они с императором и дальше поддерживать видимость мира.

К тому же, убытки позволяли Пэй Ду незаметно выводить средства.

Шэнь Цзюцзю не разбирался в придворных интригах, ему было лишь жаль огромной суммы денег.

Если один управляющий смог украсть столько, то сколько же всего утекло из поместья Пэй? Целая гора золотых слитков, не иначе.

Пэй Ду посмотрел на длиннохвостую синицу, которая уже и не пыталась притворяться, а лишь вздыхала так тяжело, словно это были её кровные деньги.

— Ты понимаешь человеческую речь, умеешь читать и писать, можешь открыть клетку и сбежать. Раз ты так умён, почему же в дворце ты морил себя голодом?

Ответ на этот вопрос был бы долгим.

Но пташка не умела говорить.

Шэнь Цзюцзю склонил голову набок, подумал, а затем искренне покачал головой и пискнул.

Он не дух.

Он просто пташка.

Пэй Ду помолчал, осознавая, насколько велика пропасть в общении между человеком и птицей.

— Ты умеешь писать? — спросил он.

Шэнь Цзюцзю показал ему свои маленькие крылья и лапки, а затем обвёл взглядом письменные принадлежности на столе, каждая из которых была больше него.

Пэй Ду приложил руку ко лбу и, помолчав, сказал:

— Послезавтра Цзымин отправится на охоту. Полетишь с ним. Я велю ему отпустить тебя на волю.

«Цзымин — это тот юноша, что дразнил его. Шэнь Цзюцзю слышал, как Пэй Ду его так называл».

Услышав это, Шэнь Цзюцзю тут же запаниковал. Он не удержался, скатился с руки Пэй Ду и, превратившись в птичий шарик, покатился по столу, врезавшись в край чернильницы.

— Цзю! — жалобно пискнул он, получив удар по голове.

Он прикрыл голову крыльями и несколько мгновений приходил в себя, покачиваясь, пока наконец не ухватился за протянутый палец Пэй Ду и не встал на лапки.

Хм?

Чернильница?

В голове у Шэнь Цзюцзю сверкнула мысль. Он оттолкнул палец Пэй Ду, подпрыгнул к чернильнице, всё ещё влажной от чернил, и, вытянув лапку, осторожно обмакнул в неё кончик когтя.

Затем, взволнованно подняв одну лапку, он запрыгал к расстеленному на столе листу бумаги.

Он не обращал внимания на чернильные кляксы, что оставались за ним, и на то, как его хвост, волочившийся следом, размазывал капли в причудливые узоры.

Стоя на бумаге, Шэнь Цзюцзю, которого вот-вот должны были счесть духом и отпустить на волю, в отчаянии опустил лапку.

«Я был человеком».

«Я пришёл, чтобы отблагодарить тебя».

«Я не дух».

«Если ты отпустишь меня, я умру с голоду».

Эти четыре простые строки заняли почти весь лист бумаги.

Шэнь Цзюцзю прыгал туда-сюда, макая коготь в чернила и выводя иероглифы. Он трудился почти полчаса.

Измученный до предела, он устало обернулся. Не желая смотреть на свои кривые, бесформенные каракули, лишённые всякого изящества, он с почерневшими лапками с мольбой во взгляде посмотрел на Пэй Ду, в чьих руках теперь была его судьба.

<http://bllate.org/book/13669/1210567>